

Леонид БРОНЕВОЙ:

Если режиссер уважит

В редакцию продолжают поступать письма зрителей, поддерживающие и развивающие тему выступлений наших читателей В. Лямова и Ю. Бузова (опубликовано 19 мая с. г.).

По просьбе читателей Г. Негодина из Москвы, М. Матвиенко из Киева наш корреспондент встретился с заслуженным артистом РСФСР Л. БРОНЕВЫМ.

— Леонид Сергеевич, поскольку речь у нас пойдет о делах кинематографических, не начать ли и наш разговор (как это нередко бывает при съемках фильма) с конца, то есть с того традиционного вопроса, каким обычно принято завершать подобные беседы: ваши планы применительно к кино на будущее, над чем предстоит работать и предстоит ли?

— Работа в кино мне предстоит в ближайшем будущем. Художественным руководством Киностудии имени М. Горького я утвержден на главную роль в фильме советско-польского производства «Похищение Савойи», который ставит режиссер Вениамин Дорман. Роль очень интересная, глубокая, дающая возможность говорить о том, что волнует сегодня всех людей доброй воли, не забывших фашистских злодеяний минувшей войны. Жан Шалло (так зовут моего героя) в прошлом активный борец французского Сопротивления, а ныне скромный коммерсант. В одну из своих деловых поездок, далеко от родины, в джунглях, где и по сей день скрываются еще в своих лагерях недобитые гитлеровские вояки, он встречает матерого головореза, которого должен был в свое время уничтожить, и только случайная осечка пистолета помешала этому. И вот новая встреча... Сниматься начну уже в июле. Но такая уверенность у актера кино бывает нечасто. Со мной недавно произошло нечто такое, что дает повод испытывать при разговоре о кино, увя, не всегда положительные эмоции, как принято сейчас говорить. Однако обо всем по порядку. Я ведь еще не сказал об одном важном для меня сегодня обстоятельстве — на роль Жана Шалло меня утвердили... без пробных съемок.

— Не вижу в этом еще ничего особенного...

— Разумеется. Если не вспоминать о том, что со мной недавно произошло. Случай в актерской жизни, к великому сожалению, далеко не редкий. Может, поэтому и следует рассказать о нем, чтобы сообща призадуматься, почему происходят подобные инциденты. Началось все, как обычно, с приглашения на студию попробоваться на роль... Сейчас, пожалуй, нет надобности называть ни студию, ни фамилии тех, кто причастен к нему. Эта конкретность может

только помешать увидеть в моем, повторяю, далеко не единичном случае не своевольные и неэтичные поведенческие отдельные людей, а явление, весьма распространенное в силу сложившейся в кино практики утверждения актера на роль. Итак, я начал работать. Роль увлекла безмерно, да иначе и быть не могло — мне предстояло создать образ выдающегося современника, пламенного борца за свободу. Личность необыкновенно притягательная, полная человеческого обаяния и гражданской страсти. Не о такой ли роли мечтает каждый актер? Приступили к репетициям. Они длились не менее двух месяцев, в течение которых я полностью находился во власти образа, стремясь каждый раз принести что-то новое, наработанное мной вне репетиций, что шаг за шагом приближало бы к поставленной цели. И вот достигнуто единство взглядов с режиссером, выбраны две большие сцены для съемок. Репетирую их с партнерами, дело как будто ладится, выходим на съемочную площадку... Пробные съемки — это всегда испытание для исполнителя, и актер неизменно отдает им уйму нервной энергии и душевных сил, оставаясь потом наедине со всеми своими терзаниями в мучительном ожидании «приговора». Ждал и я. Неделю, вторую, месяц. Студия молчит. Еще месяц — попрежнему ни звука...

Разговорились как-то с коллегой по театру, его тоже приглашали в этот фильм на одну из ролей, речь зашла и об этой картине. И замечаю я, он как-то странно смотрит на меня, ну, вроде как на пришельца с иной планеты: «Ты что, — говорит, — в самом деле не знаешь, что фильм давно уже снимается, а твою роль играет другой актер?». И называет фамилию... Как говорят в таких случаях, комментарии излишни. Можно понять многое, но никогда, наверное, не пойму одного: как можно было не поставить в известность актера о принятом в отношении его работы решении? Элементарная этика требует этого! Неужели пять месяцев, что заняла у меня работа в подготовке съемок этого фильма (к слову, совершенно безвозмездная — актерам в кино репетиции, поиски грима, костюма в подготовительном периоде никак не оплачиваются), неужели затраты времени, сил не оказались достойны про-

стого человеческого уважения?

А теперь попытаемся взглянуть в суть этой проблемы, подойдем к случившемуся с другой стороны. Известно, что вопрос выбора актеров решает режиссер фильма. Он приглашает того или иного исполнителя, работает с ним. И разве режиссер фильма, о котором шла речь, за пять месяцев не мог убедиться: тот ли перед ним актер, что нужен на эту роль, или не тот? Полагаю, мог. Кому же нужна была кинопроба как таковая? Актеру? Совершенно очевидно, что нет. Но если работа велась все же, значит, она нужна была тому, кто со мной искал, репетировал, то есть режиссеру. Но для чего? Ответ только один: для творческой разминки, так сказать, и поиска путей к воплощению образа главного героя своего будущего фильма. Очевидно, так. Но кем же тогда был для него актер, с которым он работал? Манекеном, на котором примерялся костюм для другого?.. Не слишком весело сознавать подобное, не правда ли? Ну, что ж, сказал я себе, это кино, в нем все может быть, даже такое. И зарекся: ни на одну пробную съемку больше не соглашусь.

— И держите свой зарок?

— Держу и не намерен изменить ему, какими бы сверхинтересными предложениями меня не соблазняли. При условии кинопробы — нет.

— Но они существуют...

— Да. И будут существовать. Речь о том, всегда ли они оправданны. Если в силу сложившихся обстоятельств актер еще мало раскрыт и режиссер колеблется в своем выборе, тогда предварительное испытание на экране, конечно, необходимо. Пробная съемка нужна и актеру как возможность доказать свою творческую состоятельность, и режиссеру, чтобы прийти к окончательному решению. Но когда актер сыграл уже в театре и кино немало ролей — главных и эпизодических, разноплановых, не похожих одна на другую, зачем его еще и еще раз экзаменовывать?

— Вы недавно снялись в фильме известного режиссера Льва Александровича Кулиджанова «Карл Маркс». Была ли там кинопроба? Ведь в образе Леона Филиппса вам тоже предстояла встреча с личностью невесты, особенно биографам Маркса, и по-своему незаурядной.

— Да, это так. И грим, приближенный к портрету, мы искали тоже. Однако никаких предварительных съемок не было. Я получил приглашение от Льва Александровича, выехал в ГДР,

где тогда работала группа, и снялся. Все было предельно четко, ясно и внутренне легко в той подлинно творческой атмосфере, какую со свойственным ему тактом и вниманием к актеру умеет создать в творчестве Кулиджанов.

— Мне кажется примечательным еще и то, что в этом фильме, как и в «Похищении Савойи», вы создаете образы героев положительных. А ведь, наверное, после Мюллера в «Семнадцати мгновениях весны» вам довелось получить не одно предложение сыграть резко отрицательный персонаж?

— Совершенно верно, многократное «тиражирование» актера в одноплановых ролях — грех далеко еще не изжитый. И надо со всей признательностью отдать должное тем режиссерам, кто со своей стороны способствует избавлению от него. Но это отдельная большая тема.

— В чем вы, актер театра, усматриваете трудности работы в кино?

— Пожалуй, ни в чем, если говорить о чисто творческой стороне дела. Лично мне помогло, наверное, и то, что я немало проработал в периферийных театрах, где спектакли ставятся много чаще, чем в столичных, что требует от актера большой мобильности, умения быть постоянно в творческой форме. Периферийный театр — отличная практика для актера. И она помогает мне при работе в кино. Вот, например, в «Семнадцати мгновениях весны» надо было снять сложную по всем компонентам сцену разговора Мюллера со Штирлицем одним непрерывным куском в триста метров, то есть протяженностью в десять минут экранного времени. Мы сняли ее... с двух дублей. Не будь у меня той «муштры», не потянуть бы мне рядом с таким признанным «снайпером» съемочной площадки, как Вячеслав Тихонов. Ведь киностаж мой сравнительно невелик, начал сниматься лет пятнадцать тому назад, и не могу сказать, что сыграл так уж много ролей.

— Зато теперь, очевидно, недостатка в предложениях нет?

— Не могу пожаловаться. Но в искусстве, как и в жизни, любовь должна быть взаимной, только тогда она приносит счастье.

— Вы не любите кино?

— Я не люблю плохие роли. А плохими я называю те, что повторяют уже сделанное мной или не представляют возможности высказаться о том, что волнует меня сегодня как художника и гражданина.

Беседу вел
М. КАНЕВСКИЙ.